

БУДДИЙСКИЙ ФЕНОМЕН НА ПРОСТОРАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.

(В контексте выставки в Галереи «Zero Line-Gallery»).

В течение тысячелетий огромный котел евразийских степей, охваченный невообразимой силой, переваривал миллионы всколыхнувшихся человеческих душ, во все стороны света бросая всплески бесчисленных племен, которые пожирали пространства и многовековые культуры целых народов, а то бессильной волной растворялись бесследно в зыбучем песке покоренных государств, не оставляя после себя ни имени, ни даже эха своего существования. Всматриваясь в эту тьму веков, я думаю — откуда в нас этот искренний интерес к прошлому? Больше всего громадная Азия, как задремавший в тумане тысячелетий Сфинкс, взирает сквозь сомкнутые веки на истерические скачки европейской истории, которая в непонятном танце все время кружит вокруг освободительных походов, революций, республик, мирового каннибализма человеческих войн, а затем — снова религиозные походы, другие революции, опять какие-то республики, сызнова утонувшие в крови...

Великая Азия, несомненно, считается родиной всех мировых религий. Иудаизм, в своих скитаниях по просторам Ближнего Востока потерял одно из своих колен, ушедших к северо-востоку в евразийские пространства. Заратуштра проповедовал в самом

сердце Центральной Азии и не мнил себе иного мира, где благородные мысли, дела и слова могли принести пользу людям. Некоторые христиане после третьего Никейского собора, собравшись в православный гурт, бежали со своим патриархом Несторием в горные районы Мавераннахра и, побратавшись с частью зороастрийцев (маздаяснийцев), создали новую религию – манихейство. Ислам скрупулёзно и настойчиво насаждал вероучение пророка Мухаммеда огнём и мечём. Только проповедники буддизма, скромно и ненавязчиво принимали монашеский облик и неподалеку от городов и селений устраивали в пещерах свои монастыри.

Вскоре монастыри превратились в главную и, по существу, единственную форму организации буддистов, не знакомых с иерархически организованной церковной структурой и не имевших влиятельной жреческой касты. Именно монастыри стали центрами буддизма, очагами его распространения, своеобразными университетами и библиотеками. В монастырских кельях учёные буддийские монахи записывали на древнеиндийских языках пали и санскрите первые сутры, священные тексты, которые на рубеже нашей эры составили весьма внушительный по объёму писанный буддийский канон – Трипитаку. Здесь же вновь поступившие служки и послушники обучались грамоте и чтению, изучали священные тексты, получая немалое по тому времени образование.

В Центральной Азии непостижимым образом переплелись судьбы многих народов и разных культур. И если кто-то считает, что историки, археологи, востоковеды знают о прошлом всё, то глубоко в этом заблуждается. «Книга Былого» только приоткрыла нам свои первые страницы, и мы постигаем пока лишь азбуку древних писаний, воплощённых в преданиях и легендах. Но необъятен по богатству и величию духовный мир, нашедший своё отражение в философских концепциях, народных традициях и верованиях, музыке и искусстве.

В середине прошлого столетия пришло время комплексных экспедиций, многолюдных, отлично снаряжённых. Блестящей вереницей возникли из небытия настенные росписи Варахши и Пенджикента, скульптуры Нисы, Дальверзинтепе, Топрак-калы и Айртама, золото и бронза Памира и Семиречья. Мир «призрачной Бактрии» стал всё более явственно обретать реальные, а не мифологические черты.

Бактрийское искусство – это обширный художественный мир, необозримый по числу произведений, многосложный по их составу и происхождению. Судьба буддизма сплетена с судьбой Кушанского государства, располагавшегося на бактрийских просторах и большей части Индии. Но история кушан ещё не дописана. Разумеется, невозможно себе вообразить, что при столь обширной грамотности населения того времени (а археологи обнаружили уже сотни и сотни артефактов с образцами письменности) ни у кого из жителей не возникло

желания написать историю правителей, государства или значительных событий. Несомненно, что эти рукописи на пергаменте, глине, костях или папирусах всё ещё ждут своих открывателей. А пока исследователи скрупулёзно пытаются восстановить страницы утраченной памяти по фрагментам, обрывкам, обломкам сохранившихся древностей.

В великой Кушанской империи самым великим и значительным правителем кушанской династии был Канишка I. При нем слава государства достигла зенита. В разноликой и разноречивой Кушанской империи уживались самые разнообразные культы: святилище огнепоклонников могло соседствовать с храмом эллинских богов, идола кочевников могли находиться поблизости от скульптур буддистов и т.д. Как один из прогрессивных и грамотных людей своей эпохи Канишка I разделял это граничащее с индифферентностью «всебожие», но как правитель огромного государства искал, может быть, интуитивно, идею, способную увлечь и объединить всех. И «благородный срединный путь» не ускользнул от его зоркого взгляда политика.

При Канишке и, возможно, по его инициативе предположительно, в области Гандхара на территории Индии был проведен IV буддийский собор. Присутствовавшие на нем монахи представляли практически все школы буддизма. Скорее всего, именно на этом соборе было окончательно зафиксировано разделение буддизма на две главные ветви:

южную (тхеравада), сохранившуюся в основном на Шри-Ланке, в Бирме, Таиланде и Лаосе, и северную (махаяна), перешедшую из Индии в Китай, а из него — в страны Дальнего Востока и Тибет. Но была еще промежуточная ветвь, носившая название *сарвастивада* – «благородный срединный путь». Она получила наибольшее распространение в Кушанском царстве. Канишка, если верить буддийским источникам, тоже был сарвастивадином. Если отвлечься от сложных философских измышлений, то характерная особенность школы сарвастивада заключалась в признании реальности мельчайших частиц бытия и сознания — *дхарм*, в то время как другие школы буддизма утверждали их иллюзорность. Признание реальности некоей основы бытия должно было импонировать и всесильному государю, и его жизнелюбивым подданным. Хотя это не исключало деятельности в империи других буддийских школ.

Из посвячительных надписей на глиняных сосудах, найденных при раскопках крупнейшего обнаруженного на территории Узбекистана пещерного монастыря Каратепе близ города Термеза, стало известно, что в нем проживали последователи школы *махасангхики*, сформировавшие идеал бодхисатвы, который имеет столь огромное значение в махаяне. Канишка покровительствовал и большому, и малому течению в буддизме. Его политику хорошо комментирует надпись на одном из сосудов монастыря Каратепе: «*Тот, кто различия между*

личностями, отсекая, устраняет, тот находится на переднем конце пути».

По надписям на каратепинских глиняных сосудах и светильниках, приносимых паломниками в дар монастырю, сделанных письмом брахми и кхарошти, становится ясным, что монастырский пещерный комплекс недалеко от древней Тармиты (Термеза) привлекал немало паломников, в том числе выходцев из самой Индии. Были ли то купцы или странствующие монахи? Кто знает? История буддизма на территории Узбекистана оставила не так уж много подлинных фактов, зато легенд, загадок, споров и предположений — в изобилии. Ведь даже описания внешнего вида буддийских храмов и монастырей в Дальверзинтепе, Халчаяне, Фаязтепе, Айртаме, Куве, сделанные исследователями, — предположительные. Мы не знаем, как они выглядели на самом деле. Предположительно пещерный монастырь на Каратепе мог носить название Кхадевакавихара — Царский монастырь (чтение В. Вертоградовой), но полной уверенности в этом нет. Предположительно буддийское святилище в ферганской Куве было тантрического толка — но и это только гипотеза. Согласно одной из легенд, город Бухара получила свое название от санскритского слова «вихара» — так обозначаются буддийские монастыри. Последователи буддизма могли быть среди жителей древнего Самарканда и древнего Ташкента, но с таким же успехом «срединный путь» мог их совсем не затронуть — нет

ни явных доказательств, ни убедительных опровержений, а лишь мнения исследователей, опирающиеся на случайные находки и логические умозаключения. Самое замечательное, на мой взгляд, состоит в том, что это очень соответствует духу учения Будды. Ведь, согласно ему, объективного мира нет, каждое отдельное сознание творит свой собственный мир, иллюзорный и предположительный по определению.

Но одно в этой предположительности точно нельзя опровергнуть — факт существования «срединного пути» в первом тысячелетии новой эры на землях современного Узбекистана. Доказано убедительно и неоспоримо. Наиболее убедительно — результатами археологических раскопок. Остатки буддийских монастырей и храмов с великолепными образцами изобразительного искусства обнаружены на юге Узбекистана и в Ферганской долине. Статуэтка Будды VI–VII вв. н.э., восседающего на лотосовом троне в позе медитации, обнаружена на территории средневекового Чача (Ташкентская область). Подобные находки были сделаны на Афрасиабе и ряде древних городищ в различных областях Узбекистана (Бараттепе, Караултепе, Актепе и др.).

Сегодня от древних буддийских святынь остались оплывшие развалины среди лёссовых холмов, тень от тени былого великолепия. Среди этих пустынных, удаленных от городов мест трудно представить красочную, многообразную, кипучую в самой размеренности своей жизнь, присущую монашеским

общинам. Одним из крупнейших центров буддизма на территории Средней Азии была бактрийская Тармита, крупный город «на берегах Вахша», упоминаемый в источниках кушанской эпохи. Ныне это городище Старый Термез, в 12 километрах от современного Термеза, центра Сурхандарьинской области. Позиции буддизма здесь были сильны не только при кушанах, но и много позже. Уже в VII веке, по сообщениям знаменитого китайского монаха, философа и пилигрима Сюань-цзана, в Тармите располагалось около десяти буддийских монастырей, в которых проживала тысяча монахов. Целый ряд культовых комплексов действовал вокруг города. На северо-западе во II–VI веках размещался знаменитый Каратепе, получивший свое нынешнее название от главного из трех холмов, в которых когда-то делались искусственные пещеры для монахов. В пору расцвета здесь располагались десятки небольших храмово-монастырских комплексов. Каждый такой комплекс состоял из монастырских келий, небольших святилищ и ступ.

На севере от Тармиты с I по IV века действовал небольшой загородный монастырь с храмом, исследованный Л. И. Альбаумом. Он известен по названию местности — Фаязтепе. В отличие от пещерной вихары Каратепе, это был наземный монастырь — сангарама, построенный по четкому единому плану, как и монастыри в Индии.

В 20 километрах восточнее Термеза в урочище Айртам были обнаружены знаменитые рельефы, украшавшие вход в буддийский храм первых веков новой эры. Это, пожалуй, лучший образец древней скульптуры, найденный на территории Узбекистана. Изумительны пластичность и живость, с которой выполнены фигуры музыкантов, играющих на барабанах, лютне, арфе и кимвалах. Возможно, они должны были символизировать «пять великих звуков» (панчамахашабда), учение о которых использовалось в культовой практике, а возможно, просто изображали небожителей, готовых радостно приветствовать каждого, кто достиг просветления и освободился от иллюзий. Строго говоря, кроме манеры исполнения, сильно тяготеющей к древнеиндийской скульптуре, ничто не указывает на связь рельефов с религиозно-философскими идеями и символами. Они могут быть и вполне светскими персонажами — придворными музыкантами, увеселяющими царя и его свиту.

Помимо этих комплексов, богатые образцы среднеазиатского буддизма дали раскопки на городищах Дальверзинтепе, Халчаяне в Сурхандарьинской области. Наконец, исследования Булатовой В.А. святилища в Куве (VII–VIII вв. н.э.) замыкают географию и хронологию буддизма на территории древнего Узбекистана.

Реконструкции храмовых сооружений на территории Узбекистана, воссоздают пышный, репрезентативный образ.

Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель в «Очерках искусства Средней Азии» обращают внимание на сочетание эллинистических и индийских черт в архитектуре среднеазиатских буддийских святилищ: «Разработка массивных форм этой архитектуры пилястрами, аркатами, профилированными тягами и скульптурными деталями является переосмыслением эллинистических образов в духе и характере восточной античности и эстетики буддизма».

Снаружи и изнутри храмы украшались изображениями, живописными и скульптурными. Скульптура чаще всего изготавливалась из глины, и лишь немногие дошедшие до нас образцы выполнены из мягкого камня — светлого мергелистого известняка. Для изготовления глиняной скульптуры делался каркас из тонких деревянных прутьев, на который наносилась глинистая масса. Поверх нее накладывалась грубая, редкого плетения ткань, на которую художник послойно накладывал гипс, моделируя лицо, руки, детали одежды. Статуи, выполненные в рост, располагались почти вплотную к храмовой стене, поэтому их тыльную сторону скульпторы оставляли практически необработанной. Зато лица и одежды персонажей пышно раскрашивались и для лучшего впечатления золотились.

Рельефы на ступах и в храмах также раскрашивались в яркие цвета минеральных красок, а в некоторых случаях покрывались позолотой. Над ступами висели раскрашенные в синий и красный цвета каменные зонтики. Айваны дворов, стены

святилищ и келий украшали орнаментальные и сюжетные росписи, в которых индийские мотивы перекликались с местными, бактрийскими.

Ранний буддизм не знал изображений основателя учения — перед своими почитателями и последователями Будда представал в виде символов: цветка лотоса, коня, белого слона, колеса закона. А в первых веках новой эры происходит великий переворот: появляются изображения Будды в человеческом облике. Ряд исследователей полагает, что произошло это именно в южном Узбекистане, в буддийских центрах Бактрии. Возможно, что рисованное изображение Будды I–II веков новой эры, обнаруженное на Фаязтепе (увы, от него сохранились только фрагменты), является и самым ранним из подобных изображений в буддизме.

На территории Узбекистана найдено немного изображений Будды. Но, глядя на них, неизменно приходят мысли о поразительном многообразии смыслов этих изображений. Как будто и должно было дойти до потомков только то, что заключало наиболее явно основную мысль художника и его эпохи.

Вот одно из его каратепинских воплощений — фрагмент настенной живописи, нанесенной звучными, чистыми клеевыми красками на глиняную основу. Нежный, задумчивый образ царевича Сиддхартхи, ставшего Буддой — Просветленным, словно ткётся на наших глазах из нежнейших, светящихся

изнутри розоватых, золотистых, палевых тонов, оттенков раннего утра, проступая на стене пещеры. Плавные, изящные линии очерчивают безмятежное лицо и молодое тело. То, что фреска сохранилась лишь фрагментарно, не нарушает ее гармонии и цельности ее восприятия. Изображение словно свидетельствует: да, все проходит, гибнет любая красота, но из полу-стертости, полу-небытия выступает просветленный и прекрасный образ, как примета спасения, как знак постижения истины.

А вот другой образ — аристократичный и властный в окружении адорантов. И все же ему присущи поразительная «симметрия духа», античная ясность и благородство мысли. Барельеф из Фаязтепе, следует признать одним из лучших скульптурных изображений Будды не только в Средней Азии, но и во всем кушанском искусстве. Он запечатлел Будду под деревом, ветви которого образуют нимб над его головой. Будда сидит в позе медитации, и его лицо исполнено спокойной силы и достоинства. Складки монашеской накидки сангити плавно обтекают тело, не скрывая его линий. Когда-то барельеф был раскрашен и позолочен, но время смыло краски, и от этого изображение даже выиграло: благородная белизна камня подчеркивает совершенство скульптуры.

В деватах и адорантах Дальверзинтепе это благородство примет черты рафинированной утонченности придворного церемониала, хотя и не утратит ясной красоты духа.

Отступление от этой утонченности произойдет пять веков спустя в буддийском храмовом комплексе в Куве. Подавляющие своими размерами статуи, устрашающие образы хранителей веры, искаженные лица воинов Мары, холодное лицо Будды, улыбающегося странной, отнюдь не умиротворенной улыбкой, сольются перед созерцателем в образ страшной растерянности человека, зажатого между двумя миражами — жизнью и смертью. Так в среднеазиатском буддийском искусстве найдут отражение все стороны учения и все характерные особенности времени — от блеска и величия кушанской эпохи до тревог и сумятицы переходных для Средней Азии VII–VIII веков, времени, когда буддизм вынужден был бесследно расстаться под натиском арабских войск.

Разрабатывая иконографию, художники Бактрии по-своему преломляли в ней буддийские положения о спасении в мире, объятom пламенем желаний. *«Что за смех, что за радость, когда мир постоянно горит?»* — вопрошает Будда. Но в Средней Азии буддизм соприкоснулся с поклонением огню как священной стихии. И огонь, выступающий в проповедях Будды символом разрушения, оборачивается в бактрийском искусстве знаменем святости, горения духа. Скорее всего, так и родился уникальный образ «огненного Будды», где мудрец из народа Шакьев окружен языками пламени, а тело его прорисовывается ярко-красными, «огненными» контурами. Созданный бактрийскими мастерами на заре новой эры, «огненный» Будда

достиг стран Дальнего Востока, где утвердился в живописи Китая, Кореи, Японии. Интересная деталь: рядом с одним из изображений Будды, восседающего в двойном огненном ореоле, на стене каратепинской пещеры процарапана надпись «Будда Мазда». Но происхождение этой надписи неизвестно.

Кроме археологических находок, свет на историю буддизма на территории современного Узбекистан извещают некоторые письменные источники. В них сообщается, что буддийские монахи из числа жителей Средней Азии не только занимались живописным украшением храмов и монастырей, но они и активно проповедовали, причем немало способствовали распространению «срединного пути» за пределами родных мест, в первую очередь в Китае. Имена некоторых из них история сохранила. «Тохар Дхармамитра упоминается в одном колофоне в тибетском Танджуре, — пишет Ю. Н. Рерих в статье «Тохарская проблема». — В колофоне говорится, что он был уроженцем Тармита (т. е. Термеза) на реке Пакшу (Вакшу, Оксус)». Китайские источники рассказывают о проповедниках и переводчиках — согдийцах.

Известны четыре монаха-согдийца, действовавших в Китае: Кан Цзюй (II–III вв. н.э.), чье имя упоминается в связи с деятельностью монахов Чанъани, переводивших на китайский язык тексты махаяны; Кан Мэн-сян, работавший над переводами житийной литературы о Будде Шакьямуни и Кан Сэн-хуэй (III в. н.э.).

Родители третьего монаха-согдийца были родом из Самарканда. Его семья переехала по торговым делам сначала в Северную Индию, а оттуда в государство Зиао-тяу (территория современного Вьетнама). Оттуда молодой Кан Сэн-хуэй отправился в Нанкин — столицу государства У, где основал буддийский храм и занимался переводом буддийских канонических текстов. Он был первым проповедником буддизма в южном Китае. Ему приписывается обращение в буддизм императора Сунь Хао и членов царствующего дома. Наконец, еще один согдиец, Бао-и, известный также под санскритским именем Ратнами, был выдающимся знатоком канонических текстов махаяны.

«Пусть страдание всех живых существ будет сожжено сердцем» — гласит еще одна надпись на ритуальном сосуде из монастыря Каратепе. Практика приношения в монастырь сосудов и светильников с посвятельными надписями, зафиксированная в этом уникальном пещерном комплексе, была неизвестна на родине буддизма, в Индии. Поиск истины — для жизни духовной. Они искали истину — проповедники, философы, художники — и находили ее, фиксируя свой духовный опыт в книгах, фресках и скульптурных изображениях...

Незадолго до своей смерти Моисей заклинал соплеменников не пренебрегать своим прошлым: *«Вспомните дни древние, помыслы о летах прежних родов; спроси отца твоего, и он*

возвестит тебе, старцев твоих, и они скажут тебе»
(Второзаконие, 32,7).

Пророки увещевали сохранять память поколений во всём многообразии творчества людей. *«Если ты забыл слова и лица, то в памяти твоей навсегда сохранится музыка времени, открой её другим, и будешь жить вечно»* – так заповедовал один из просветлённых кашгарских монахов. Сохранению уникальных памятников художественной культуры, их широкой популяризации посвящает галерея «Zero Line» свои силы и время.

**Научный руководитель Программы «Эпоха» ЧП
«Turkeston Art»,**

Доктор исторических наук,

Приглашённый профессор кафедры

«Истории древнего искусства»

Лейпцигского Университета (Германия).

[Краткая справка: Для объективного понимания сущности буддизма и его художественных особенностей следует просто помнить несколько фактов того, что *Буддизм* был реакцией небрахманских слоёв древнеиндийского населения на

брахманизм. Системы санхья, йога, веданта своими доктринами и практическими рекомендациями создали в середине тысячелетия до н.э. достаточно прочную, хорошо разработанную основу для появления широкого круга людей, искавших спасения, освобождения (мокши) в удалении от людей, в устранении всего материального и концентрации внимания и сил на внутреннем, духовном «Я». Следствием этого и было стремление выработать новую, альтернативную доктрину, которая могла бы быть противопоставленной эзотерической мудрости брахманов.

Наиболее разработанной и влиятельной системой такого рода и стал буддизм. Появление его легенда связывает с именем Гаутама Шакьямуни, известного миру под именем Будды, Просветлённого.

Сын князя из племени шакья (сакья), Сиддхарта Гаутама родился в VI в. до н.э. Чудесным образом зачатый (его мать Майя увидела во сне, что ей в бок вошёл белый слон), мальчик столь же необычным образом родился – из бока матери. Отличавшийся необычайным умом и способностями, Гаутама заметно выделялся среди своих сверстников. Ему было предсказано мудрыми старцами необыкновенное будущее. Окружённый роскошью и весельем, он знал только радости жизни. Незаметно Гаутама вырос, затем женился, у него родился сын. Ничто не омрачало его счастья. Но вот как-то раз, выехав за пределы дворца, молодой принц увидел покрытого

язвами измождённого больного, затем согбенного годами убогого старика, затем похоронную процессию и, наконец, погружённого в глубокие и нелёгкие раздумья аскета. Эти четыре встречи, повествует легенда, коренным образом изменили мировоззрение беспечного принца. Он узнал, что в мире существуют несчастья, болезни, смерть, что миром правит страдание. С горечью ушёл Гаутама из отчего дома. Обрив голову, облачившись в грубые одежды, он начал странствовать, предавая себя самоистязаниям, стараясь искупить юные годы роскошной и беззаботной жизни, стремясь познать великую истину. Так прошло около 7 лет.

И вот как-то, сидя под деревом Бодхи (познания) и, как обычно, предаваясь глубокому самопознанию, Гаутама вдруг «прозрел». Он познал тайны и внутренние причины кругооборота жизни, познал четыре священные истины: страдания правят миром; причиной их является сама жизнь с её страстями и желаниями; уйти от страданий можно лишь погрузившись в нирвану; существует путь, метод, посредством которого познавший истину может избавиться от страданий и достичь нирваны. Познав эти четыре священные истины, Гаутама, ставший Буддой, Просветлённым, несколько дней после этого просидел под священным деревом, не будучи в силах сдвинуться с места. Этим воспользовался злой дух Мара, который начал искушать Будду, призывая его не возвещать истины людям, а прямо погрузиться в нирвану. Но Будда стойко вынес все искушения и

продолжал свой великий подвиг. Придя в Сарнатх близ Бенариса, он собрал вокруг себя пятерых аскетов, ставших его учениками, и прочёл им свою первую проповедь. В этой бенаресской проповеди Будды были вкратце изложены основы его учения. Вот их суть.

Жизнь есть страдание. Рождение и старение, болезнь и смерть, разлука с любимым и союз с нелюбимым, недостигнутая цель и неудовлетворённое желание – всё это страдание. Страдание происходит от жажды бытия, наслаждений, созидания, власти, вечной жизни и т.п. Уничтожить эту ненасытную жажду, отказаться от желаний, отрешиться от земной суетности – вот путь к уничтожению страданий. Именно за этим путём лежит полное освобождение, нирвана.

Развивая своё учение, Будда разработал подробный так называемый восьмиступенный путь, метод постижения истины и приближения к нирване: 1. Праведная вера (следует поверить Будде, что мир полон скорби и страданий и что необходимо подавлять в себе страсти); 2. Истинная решимость (следует твёрдо определить свой путь, ограничить свои страсти и стремления); 3. Праведная речь (следует следить за своими словами, дабы они не вели к злу – речь должна быть правдивой, доброжелательной); 4. Праведные дела (следует избегать недобродетельных поступков, сдерживаться и делать добрые дела); 5. Праведная жизнь (следует вести жизнь достойную, не принося вреда живому); 6. Праведная мысль (следует следить

за направлением своих мыслей, гнать всё злое и настраиваться на доброе); 7. Праведные помыслы (следует уяснить, что зло – от нашей плоти); 8. Истинное созерцание (следует постоянно и терпеливо тренироваться, достигать умения сосредоточиваться, созерцать, углубляться в поисках истины).

Учение Будды во многом следовало тем принципам и практике отхода от всего материального, стремления к слиянию духовного начала с Абсолютом в поисках освобождения (мокши), которые к середине I тысячелетия до н.э. были уже основательно разработаны и широко известны в Индии. Однако в буддизме было и нечто новое. Так, исстрадавшимся людям не могло не импонировать учение о том, что наша жизнь – страдание (аналогичный тезис, как известно, в немалой степени обеспечил успех и раннему христианству) и что все страдания проистекают от страстей и желаний. Умерить свои страсти, быть добрым и благожелательным – и это перед каждым (а не только перед посвящёнными брахманами, как в брахманизме) открывает путь к истине, а при условии длительных дальнейших усилий в этом направлении – к конечной цели буддизма, к нирване. Неудивительно, что проповедь Будды имела успех...]

В.К.